

У Вэнь Ецая не было родителей — он был старшим гером в доме и, соответственно, главным. Теперь, когда они стали супругами, а Юй Шанчжи вошёл в дом как муж, самое время было откровенно поговорить о положении дел в семье, чтобы впредь жить вместе слаженно. В этом был разумный смысл. Такой разговор нельзя было обойти ни в одной семье, но в других домах этим обычно занималась свекровь, наставляя новую сноху или молодого фулана. Но в ситуации, когда Юй Шанчжи всеми силами пытался дистанцироваться от Вэнь Ецая, момент для откровенности оказался не совсем уместным.

Уйти от разговора было невозможно. Юй Шанчжи продолжал сидеть прямо, спокойно ожидая, что скажет Вэнь Ецай.

В тишине послышался звон рассыпающихся монет и серебра — Вэнь Ецай высыпал пригоршню на ладонь.

— Раньше всё не было времени поговорить о делах семьи, но теперь мы одна семья, скрывать нечего. О чём-то мы уже упоминали, когда договаривались о браке. Мои отец с матерью умерли рано, оставили эти несколько старых комнат и три му тощей земли. Мой отец был приёмным сыном в семье Вэнь, и при разделе имущества не имел особых прав — даже одного му земли ему не досталось. Потом он начал зарабатывать охотой и со временем смог выкупить десять му земли в деревне Селю. Но когда родители заболели, и детям понадобились лекарства, всё пришлось постепенно распродать. Теперь остались только три му: один му — рисовое заливное поле, два — суходол, где сеем пшеницу, и вперемешку — ещё немного бобов да кукурузы. После уплаты зернового налога того, что остаётся на пропитание, на год не хватает. Но ничего, я поднакоплю — и ещё два му плодородной земли обязательно куплю.

Три му земли — действительно мало. Даже у бывшего наставника прежнего хозяина тела, старого лекаря Циня, одинокого старика, имелось два му тощей земли и небольшой участок под лекарственные травы.

А уж в деревне, если только не совсем бедные, у всех было по десятку му, у кого поменьше — по семь-восемь. А если земли меньше, и вдруг урожай не уродится — денег на покупку зерна не будет, и вся семья останется голодать. Потому и говорили, что земля — это основа жизни крестьян.

На этих словах голос Вэнь Ецая стал чуть приглушённым, но вскоре он снова приободрился, в голосе зазвучала уверенность:

— По правде сказать, расходов в доме хватает, но я и зарабатывать умею. Так что ты спокойно занимайся своим делом — будь себе лекарем, о деньгах можешь не беспокоиться.

Юй Шанчжи ещё размышлял, зачем это Вэнь Ецай вдруг решил раскрыть перед ним все карты, но теперь стало ясно — это всё было продолжением дневного разговора. Он шевельнул губами, но так и не смог подобрать слов. Он ведь уже принял для себя решение — уйти, и, когда это случится, он непременно подведёт под всё чувства Вэнь Ецая, обманет ту искренность, с какой тот к нему отнёсся.

Тем временем Вэнь Ецай, перебирая серебро, продолжал рассказывать:

— В прошлый раз, когда я ездил в уезд продавать охотничьи трофеи, выручил больше восемнадцати лян. Потратил тогда где-то четыре — остальное принёс домой. Это была самая крупная выручка после Нового года. А ещё — вот здесь раньше лежало восемь лян мелкого серебра и три связки медных монет. Это — с того случая, когда я случайно подстрелил большую дикую волчицу. Я тогда снял с неё шкуру и продал её за сорок лян в дом одного зажиточного уездного жителя. Первоначально я собирался припрятать эти сорок лян на чёрный день, но потом заболел третий брат, пришлось немного потратить. А всё, что осталось — ушло на подготовку к свадьбе. Если прикинуть, дома сейчас осталось около двадцати двух лян и три цян серебра.

Юй Шанчжи подумал про себя: в тот день, когда лекарь У решил надуть его с женьшенем и сразу запросил пятьдесят лян, скорее всего, он где-то услышал, что Вэнь Ецай неплохо зарабатывает на охоте, и прикинул, что тот, пусть и с трудом, но сможет наскрести нужную сумму. В крайнем случае, рассчитаться дичью. Но правда была в том, что у Вэнь Ецай никогда не было этих пятидесяти лян.

Теперь, вспоминая всё это, Юй Шанчжи невольно задумался: а если бы в тот день его жизнь действительно висела на волоске, и действительно требовался женьшень, чтобы спасти его — неужели Вэнь Ецай и вправду попался бы на удочку?

Если бы всё действительно пошло по самому худшему сценарию, откуда бы он взял такие деньги? Что ж, разве что снова отправился бы в горы ловить волка...

Юй Шанчжи слышал от Вэнь-эрню и Вэнь-санъя о том, сколь тяжёлым трудом зарабатывал Вэнь Ецай. Не важно, была ли на дворе студёная зима или палящее лето — он всё равно шёл в горы на охоту. После каждого возвращения — пусть даже удачного — на нём неизменно были раны: то веткой лицо или руки расцарапает, то мошка укусит — так, что вздувается здоровенная шишка. Самый тяжёлый случай произошёл, когда он столкнулся с кабаном высотой с целую стену — убегая, сорвался в овраг и так ударился, что треснула кость в колене.

Лекарь тогда сказал, что лежать придётся не меньше трёх месяцев, но Вэнь Ецай не пролежал и двух — уже снова ушёл в горы с собакой. Повезло, что не осталось хромоты или других последствий, но, по словам Вэнь-эрню, с тех пор стоит пойти дождю или ударить морозу — и ногу пронзает нестерпимая боль.

Можно сказать, что все деньги, которые он приносил с охоты, были буквально добыты ценою жизни.

Юй Шанчжи сжал пальцами переносицу. Возможно, сработал его врачебный инстинкт, но внезапно он глубоко проникся сочувствием к этому упрямому геру — почти начал беспокоиться за него, как за собственного пациента. И в этот миг он ещё твёрже убедился, что поступает правильно: он действительно должен научить этих людей, как вести торговлю лекарственными травами.

Это ведь по сути то же, что и охота: кто живёт у гор — тот и кормится от гор, только риска куда меньше. Даже не нужен сам Вэнь Ецай — с этим вполне справится и Вэнь-эрню, девчушка ещё совсем.

Оставив в стороне все эти размышления, стоит вспомнить, что Вэнь-санъя от природы был хилым ребёнком. Даже если Юй Шанчжи сам вылечит его как следует, в будущем семье всё равно придётся часто обращаться к врачам. А если самим заняться торговлей травами — налаживать отношения с лекарями будет куда легче, и можно не бояться, что кто-то отнесётся спустя рукава.

Юй Шанчжи уже выстроил в голове целый план, а Вэнь Ецай о его мыслях, конечно, и не догадывался. Он ведь говорил всё это с намерением успокоить Юй Шанчжи, развеять его тревоги — а в результате тот, казалось, стал ещё мрачнее. Впрочем, даже с нахмуренным лбом этот молодой лекарь выглядел так, что от него невозможно было отвести взгляда.

К примеру... ну надо же, какая у него прямая и высокая переносица, стоит на неё капнуть водой — и капля, кажется, сразу же скатится, не задержавшись ни на миг.

Мгновение Вэнь Ецай просто смотрел, замороженный. А потом, опомнившись, только и смог, что сокрушённо подумать о своей неуклюжести — вечно не может подобрать слов. И поспешил сменить тему:

— Кстати, вот ты когда с глазами поправишься, начнёшь у нас принимать пациентов... тебе же нужно будет кое-что докупить? Я видел, у других лекарей всякого инструмента.

Если бы не это напоминание, Юй Шанчжи и сам бы не вспомнил сразу. Но стоило услышать, как в голове тотчас всплыли самые разные мелочи — а ведь всё это стоило немало. Он и сам подумывал: когда зрение восстановится, можно будет начать приём пациентов — почему бы и нет? А если повезёт найти ценные лекарственные травы и удастся продать их за хорошую цену — собрать двадцать лян, чтобы вернуть долг Вэнь Ецаю, тоже будет не так уж трудно.

Но теперь — у него ведь уже есть та самая крупца мускуса...

— С этим не спеши, я всё учёл, — спокойно отозвался Юй Шанчжи.

Видя, что тот уже всё продумал, и зная, что в таких вопросах он куда надёжнее самого себя, Вэнь Ецай не стал больше настаивать.

Разговор на этом прервался, но Юй Шанчжи вдруг вспомнил:

— Ах да, я совсем забыл — это тебе.

Он вытащил из-за пазухи связку медных монет, что днём передал ему Ху Дашу. Тогда всё было

в суматохе, Вэнь Ецая рядом не оказалось, и он просто принял деньги на хранение, а потом и вовсе забыл их вернуть.

Вэнь Ецай с удовольствием пересчитал девяносто вэней, после чего взял Юй Шанчжи за руку, вложил монеты обратно в его ладонь и сказал:

— Лучше ты оставь себе. Нельзя же, чтобы у тебя совсем ни гроша на руках не было.

Юй Шанчжи сначала ощутил тёплые кончики пальцев Вэнь Ецая, а затем — прохладу медных монет в ладони. Тепло и холод столкнулись в одном прикосновении, и в центре ладони тут же проступила испарина.

— Я же почти не выхожу из дому, на что мне деньги тратить? — пробормотал он.

А Вэнь Ецай уже отвернулся, убирая деньги в глиняный кувшин, и с бесхитростной прямоотой отозвался:

— Раз я сказал, что тебе — значит, бери. У тебя есть кошелек? Я бы туда положил.

Тут он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ай, забыл совсем! Твой кошелек на тот раз в крови измазался, отмыть не удалось, а я ещё подумал, что в нём, может, и зараза какая осталась — вот и сжёт в жаровне.

Глаза у него заблестели, губы изогнулись в весёлой улыбке:

— Как раз хорошо! Подожди, я тебе новый сошью!

Юй Шанчжи на этот раз спросил от чистого сердца:

— Ты что, и кошельки шить умеешь?

Сказав это, Юй Шанчжи тут же осознал, что фраза вышла неловкой. В конце концов, если гер ныне приравнивается к женщине и может выходить замуж, значит, наверняка обучается и шитью, и женскому рукоделию.

И, как и следовало ожидать, тут же последовал обиженный ответ Вэнь Ецая:

— Да я не только кошельки шить умею! Я вообще много чего умею! С малых лет мама учила. Раньше у нас дома даже ткацкий станок был — я и прясть, и ткать учился.

Юй Шанчжи вежливо улыбнулся:

— Тогда ты, выходит, действительно молодец.

Вэнь Ецай тихонько фыркнул, но взгляд в ту же минуту отвёл. На самом деле у него с женским рукоделием всё было настолько плохо, что могло прогневать небеса. А уж что до прядения и ткачества... Ну, учился-то он, да вот только толку из этого — сказать было бы стыдно.

Но мужчины ведь любят прилежных, домовитых геров. Он уже и так уступает в красоте, а если даже кошелёк сшить не умеет — пусть Юй Шанчжи уже и стал его мужем, всё равно это будет уж слишком стыдно.

Кошелёк — и что тут сложного? — мысленно хмыкнул он. Раз уж волков подстреливал, неужели какой-то там кошель сшить не сумеет?

На этой волне он плавно подсел ближе, воспользовавшись поводом, чтобы провести с Юй Шанчжи ещё немного времени:

— Есть ли у тебя какой-нибудь любимый узор? Я бы мог вышить его на кошельке.

Юй Шанчжи тотчас уловил, как кто-то незаметно подвинулся к нему вплотную — даже полы одежды уже налегли одна на другую.

— Брат Цай... — беспомощно проговорил он, собравшись было отодвинуться подальше.

Но Юй Шанчжи и сдвинуться не успел — подол его одежды кто-то крепко прижал.

— Я давно хотел сказать: брат Цай — это чужие так зовут, а ты чего за ними повторяешь? — с явным недовольством бросил Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи опешил — он и не думал, что Вэнь Ецай придаёт этому значение. Последние дни он просто подхватил, как все вокруг называли его «брат Цай», и вовсе не задумался, уместно ли это. А теперь, если вдуматься... с учётом того, что для всех они уже как супруги — и правда, не слишком уместно звучит.

Но это ведь не то же, что отказ от супружеской близости — здесь не отговоришься.

— Ты прав, я не подумал. Но тогда скажи — как мне тебя звать будет правильно?

А Вэнь Ецай в это время не терял времени даром — глядел на его лицо с самым пристальным вниманием, будто запоминал каждую черту: взгляд, линию бровей, изгиб губ... В прошлый раз

ему казалось, что у Юй Шанчжи особенно красив нос — теперь же поразился, как хороши у него губы.

Только смотреть можно, а вот попробовать — нельзя. Глаза уже жгло от досады.

Взгляд сам собою сполз ниже — раз уж Юй Шанчжи не видит, можно позволить себе всё, что душе угодно.

— Чего тут думать — зови меня по имени, — сказал он, не отрывая взгляда.

— ...Ецай? — неуверенно произнёс Юй Шанчжи.

В одно мгновение всё удовольствие Вэнь Ецай от созерцания красавца улетучилось. Он тут же осёкся, надувшись. Через пару мгновений не сдержался — со всего размаху ударил по краю постели:

— Хочешь сказать, твои фамилия и имя — благородные, звучные, а у меня — ну совсем ни в какое сравнение не идёт*!

(ПП: имя «ецай» переводится как «дикие травы/овощи»)

Юй Шанчжи не сдержал улыбки и, смеясь, сказал:

— Да не так уж и плохо у тебя с именем. А моё — это учитель мне дал. Изначально хотел назвать меня Санчжи — “Шёлковая ветвь”. Он как раз в тот день срезал немного шелковицы для лекарства и на этом основании дал имя. Потом, правда, передумал — сказал, что иероглиф “𠂇” звучит как-то неказисто, к тому же не по-мужски, вот и сменил на “𠂇” — “Шан”, но суть осталась та же: всё от трав да отваров происходит.

Вэнь Ецай задумался на миг, а потом тоже расхохотался:

— Вот значит как: ты — лекарственное растение, а я — дикорастущая трава. Неудивительно, что сваха Хуа сказала — мы друг другу идеально подходим!

Тут же, улыбаясь, перешёл к другому:

— А как же звали тебя до того, как учитель имя сменил? Почему он вообще решил имя менять?

Юй Шанчжи заглянул в память прежнего хозяина тела. Отвечать совсем не хотелось, но от напора Вэнь Ецай не отделаешься, и потому, с лицом как у того самого “дикого овоща”, нехотя выдал:

— ...Юй Тяньню — Железный Бык.

Вэнь Ецай, услышав это, рассмеялся до слёз, даже начал икать от смеха.

Юй Шанчжи в конце концов не выдержал — взял его за руку, прижал пальцами к точке Нэйгуань, и долго массировал, чтобы остановить икоту. При этом не забыл и поучить:

— Внутренняя сторона ладони, на два цуня выше от складки запястья — эта точка помогает нормализовать движение ци и снять боль. Не только икоту лечит, но и при боли в желудке или тошноте — тоже помогает.

Пальцы всё тёрли и тёрли запястье, пока кожа не покраснелась от жара, а на лице Вэнь Ецай всё ещё оставалась улыбка — но мысли его давно унеслись куда-то далеко.

Юй Шанчжи, не видя, что происходит перед ним, только насторожился, не услышав ответа:

— Что случилось?

Вэнь Ецай с силой потёр лицо ладонями. Да что ж это с ним такое? Всё чаще и чаще ведёт себя, как одержимый, стоит лишь оказаться рядом с этим человеком.

Он отогнал от себя нелепые фантазии, потом, потирая запястье, долго молчал, прежде чем, наконец, тихо проговорить:

— Вообще-то... у меня есть детское имя. Но с тех пор как родителей не стало, его больше никто не произносил.

Юй Шанчжи уловил в его голосе едва заметную печаль. Вспомнив, что все трое осиротели очень рано, он невольно проникся сочувствием и, словно уговаривая ребёнка, мягко продолжил:

— Ты можешь сказать мне? Своё детское имя.

Вэнь Ецай бесшумно приподнял уголки губ, словно улыбаясь какому-то далёкому воспоминанию, полному тепла.

— С детства я вёл себя совсем не как гер — шустрый, сорви-голова. А в имени у меня ведь тоже есть иероглиф “𠂇” — “дикий”, вот отец с матерью и звали меня... А-Е.

Когда он договорил, Юй Шанчжи сначала ничего не ответил. Прошло немного времени, и тогда Вэнь Ецай вдруг услышал — тихо, едва слышно, словно упавшее перышко:

— А-Е...

Бух!

Словно в груди у него в тот же миг раскрылась пышная цветущая ветвь. В одно мгновение она вспыхнула всей своей яркой, ослепительной роскошью и, как пожар, охватила всё внутри него без остатка.

<http://bllate.org/book/13600/1205928>